

se jí celkem daří při výkladu dvou slov se sufixem *-tš*: *kyrətš, 'pahýl' (ie *keu-, rozšíř. o *-p*- nebo o *-k-v* slk. *kyka*, p. *kikut*, 'pahýl') a *rapətš, 'pařát' (k *rapati, 'chňapat, rvát', srov. lat. *rapere* aj.), s upozorněním na častější výskyt tohoto sufixu v částí těla.

Zajímavá je i její rehabilitace kdysi uznávaného a později odmítaného sufixu *-etš* v br. *ščebic**, p. *razaotki*, sch. *zanovet* a psl. *osečš. Její spojení psl. *osečš, 'sušárna na obilí' s psl. *ozdš t.v. (obojí z ie. *as-, 'pálit, sušit, ohniště apod.') není nemožné; také jsem se u hesla *osečš* (v nevydané části brněnského Etym. slovníku slovanských jazyků) uchýlila z nedostatku lepších výkladů k tomuto spojení. Nejedlého výklad stč. *ozdš* z *ozditi* 'obehnat zdí' (LF 103, 224—6) je přesvědčivý pro stč. *ozdš*, městská zeď, hradba', jež je s *ozdš*, 'sušárna' snad jen homonymní.

Přesvědčivě je autorčino spojení r. dial. *grusná*, 'místo s bujnou vegetací (úrodný ostrůvek uprostřed tundry)' (z psl. *grəsna) s psl. *grəd-, 'vyvýšené místo' (srov. mor. *hrūd*, 'bujně porostlé nezaplavované místo v lužním lese') za předpokladu suf. *-sna*. Možný je i její výklad slk. *sokorec*, 'vršek stromu či hory', jež odvozuje sufixem *-orš* (je doloženo i slk. *sokor* t.v. a kolekt. *sokorie*) od kořene *sek-, 'sokor' (srov. i jiná pojmenování pro 'vršek' od kořenů pro, 'ulínat, sekát'), dále výklad r. dial. *boroná*, 'množství (zejm. dětí)' z ie. *bher- nebo výklad kaš. *fma*, 'vyvýšenina, svah', jež vyvozuje z psl. *ryzma a spojuje s *rězati. Totéž se však nedá říci o etymologii br. *plojma*, 'množství, zejm. dětí', jež autorka spojuje s ie. **pelH-* za předpokladu velmi nepřesvědčivých ie. posunů slovtvorných, nebo o výkladu psl. *opoka, 'vápenec ap.', jež se zde vyvozuje z ie. *ap-, 'voda'; přesvědčivější je Suprunův výklad z *pok-, 'pukat', srov. č. *opuka* s *-u*- podle *pukati*.

Kap. VI obsahuje bohatý materiál, ilustrující variabilitu sufixální struktury u jmen. Autorka odlišuje derivaci dvou různých slov různými sufixy z jednoho základu od variability sufixu uvnitř jednoho slova, přičemž se hodlá zabývat jen druhým z uvedených typů. Rozlišuje u něj dvě hlavní skupiny: 1. varianty různé chronologické úrovně, kde je často možné určit důvody záměny (např. psl. *ždivo, 'jídlo' > r. *žezivo* pod vlivem syn. *ježa*; psl. *orzponka > p. aj. *rozponka* > *rozpiąka* vlivem slovesa *rozpiąć*; *rataj* se v sch. změnilo v *ratar* pod tlakem častějšího sufixu *-ar*; v stč. *ziezš* < *žedja se začalo *-z*- chápat jako součást sufixu a proto bylo slovo přefazeno k derivátům na *-znš*, atd.) a 2. variabilitu synchronní, paralelní (např. sch. *čehulja* : *češulja*, sln. *ostanek* : *ostatek*, deriváty různých stupňů *-men-* čí *-u*-kmenů: *bermьce : *bermenьce, *borovina : *borina, atd.); v této části se podává i výčet paralelních sufixů, jako *-ěnzš* : *-janš*, *-d* : *-zdš*, *-ta* : *-tva*, *-ęga* : *-ęga*, *-telš* : *-telš* (v názvu datla) apod. Je ale sporné, patří-li sem i deriváty dvou samostatných odvozenin (např. *orbyni a *orbica), jsou-li odvozeny stejným sufixem (*orbyniš, *orbiciš, 'syn otrokyně').

Mezi většinou etymologicky průhledným materiálem se i zde najdou nové výklady, např. slova *natsš, *golensš aj.

Kniha obsahuje i spolehlivý vědecký aparát, včetně obsáhlého indexu.

Závěrem lze říci, že autorka podává množství nových a zajímavých námětů a nebojí se toho, že některé z nich mohou vyvolat námitky či diskusi. Vždyť právě v diskusích se věda vyvíjí a nové poznatky třebí.

Eva Havlová

Милка Ивич: Лингвистички огледи. Просвета, Београд 1983, 225 стр.

Милка Ивич, один из виднейших представителей современного югославского языкознания, очень хорошо известна чехословацким лингвистам как по своим многочисленным работам, так и по личным контактам. В наших журналах публиковалось несколько ее статей, она принимала участие в работе научных конференций, организуемых в нашей стране, в том числе и в Брно. Между прочим, в рецензируемый сборник включен доклад, который М. Ивич прочитала на синтаксическом симпозиуме в Брно в 1976 г. Широкий диапазон ее исследовательских интересов охватывает несколько лингвистических дисциплин, в первую очередь синтаксис и морфологию сербохорватского и других славянских языков, а также вопросы общего языкознания, его истории и методологии и др.

Рецензируемая небольшая книга (всего 225 страниц небольшого формата) содержит избранные работы, иллюстрирующие направление научной деятельности М. Ивич в течение последних двух десятилетий. Первые статьи, включенные в сборник, появи-

лись в начале 60-х годов, последние представляют собой результаты новейших исследований автора. В них анализируется прежде всего сербохорватский языковой материал, однако автор нередко рассматривает лингвистические явления в более широком контексте славянских и других языков.

Сборник состоит из 13 статей, распределенных по своей тематике на три раздела. Первый раздел содержит две статьи, посвященные морфологической проблематике, а именно выражению категории числа у некоторых разрядов существительных (первая статья) и способам выражения повторяющегося действия (вторая статья). В шести статьях второго раздела уделяется внимание вопросам структуры предложения. В частности, речь идет о следующих темах: 1. соотношение грамматического и семантического субъектов, 2. предложения со связочно-именным сказуемым, 3. выражение прямого дополнения, 4. изъяснительные придаточные предложения, распространяющие сербохорватский глагол *знати*, 5. условные придаточные предложения и 6. деепричастные обороты. Все статьи данного раздела (за исключением первой) посвящены фактам сербохорватского языка. Наконец, в третью часть сборника включено пять статей, изучающих некоторые аспекты падежной системы сербохорватского и славянских языков, причем именно здесь отдельные наблюдения выходят за рамки славянской языковой группы.

Как видно из данного предельно сжатого описания содержания сборника, его отличительной чертой является большое тематическое разнообразие. Если посмотреть на методологические приемы, представленные в отдельных статьях, можно также констатировать их разнообразие: в некоторых работах автор применяет индуктивные приемы, исходя из анализа плана выражения с последующим обобщением; в других статьях исходной точкой является теоретическая предпосылка, на основе которой исследуются план содержания. В отдельных наблюдениях автор очень часто опирается на приемы трансформационного и дистрибутивного методов.

Учитывая тематическое и методологическое разнообразие материалов сборника, думаем, что подробная оценка отдельных статей была бы нецелесообразной. Однако следует обратить внимание на некоторые общие черты, которые характеризуют подход М. Ивич к изучению языкового материала, тем самым объединяя работы, представленные в сборнике. Прежде всего следует отметить, что в статьях, наряду с изучением чисто языковых аспектов проблематики, систематически учитываются и внеязыковые аспекты. Автор уделяет большое внимание прагматическим факторам и на многих конкретных примерах указывает, как они влияют на оформление высказывания. Более того, определенные явления можно объяснить только учитывая именно прагматические факторы. Отчетливо это демонстрируется, напр., при анализе сербохорватских условных предложений, где выбор некоторых союзных средств зависит только от трактовки говорящим потенциальной реальности действия; то же самое наблюдается в предложениях, зависящих от глагола *знати* и т. д.

Очень интересные наблюдения автор проводит, исследуя признак „обозначение общности/единичности явления“. Он находит целый ряд разных случаев, когда данный признак влияет на оформление предложения, ограничивая употребление определенных форм (напр. форм вида при выражении повторяющегося действия), или обуславливая это употребление наличием т. наз. детерминатора у надежных форм (ср. случаи типа *Вратио се овог/прошлог петка*, но не *Вратио се петка).

Особый характер подхода М. Ивич к изучаемым проблемам удачно выражен в названии книги: сх. „оглед“ можно в данном случае перевести как „поиск“ или, может быть, „набросок“. Автор сборника действительно сосредоточивается скорее на поисках новых возможностей, как интерпретировать рассматриваемую проблематику, чем на подробном анализе языкового материала. Разумеется, что это имеет свои преимущества и недостатки. Не проводя детального анализа, автор рискует, что его выводы могут оказаться неправильными или по крайней мере не совсем точными, так как многое по сути дела предсказывается. Однако, с другой стороны, именно благодаря такому подходу можно в наблюдения внести новые аспекты, которые остались бы незамеченными при применении традиционных приемов. Все это отчетливо проявляется и в статьях сборника: некоторые предположения пришлось при дальнейшей разработке корректировать или модифицировать, но одновременно автору удалось обнаружить ряд новых возможностей над уже, казалось бы, почти исчерпанными проблемами. По нашему мнению, именно в этом и заключается ценность обсуждаемой книги.